

ПРИЗНАНИЕ

Триумф без иллюзий

Академик Владимир Михайлович Титов в 2009 г. стал лауреатом премии «Триумф» в номинации «Механика и технические науки». Это событие стало поводом для встречи и беседы, жанр которой сам Владимир Михайлович не без некоторого сарказма обозначил как «туманное эссе» — чего-чего, а иронии и самоиронии ему не занимать, несмотря на звания и регалии.

Ответ на первый же вопрос корреспондента «НВС» удивил несказанно.

— Владимир Михайлович, вы лауреат премии «Триумф». Что это за премия такая?

— А если бы я знал!

Для справки: Премия «Триумф» в области науки присуждается за выдающиеся достижения в экспериментальных и теоретических исследованиях российским ученым, внесшим значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки.

В состав жюри во главе с академиком Ю.А. Рыжовым входят двадцать крупных ученых, в частности, ректор МГУ В.А. Садовничий, вице-президенты РАН А.И. Григорьев, Н.П. Лаверов и Г.А. Месяц, директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян и другие.

Премия была учреждена в 1992 году фондом «Триумф-ЛогоВАЗ». Лауреатами премии в области науки могут стать академики и члены-корреспонденты РАН, ее размер составляет 50 тысяч долларов.

— Об этой премии у меня было самое туманное представление. Хотя я в Сибирском отделении уже третий ее обладатель — до меня ее получали академики А.Э. Конторович и А.П. Деревянко. Но так как я от таких дел далёк, для меня это всё в тумане: почему именно меня выдвинули, кто и зачем... Я как-то не очень люблю всё это.

— Вы до такой степени лишены честолюбия?

— Нет, есть конечно что-то... Но нормальное честолюбие удовлетворяется при получении либо первой премии, либо первого ордена, либо первого почётного звания. Первый орден — Трудового Красного Знамени — воспринимался эмоционально. Когда что-то происходит впервые, оно — есть такое выражение — «щечочет самолюбие».

В 1961-м году Михаил Алексеевич Лаврентьев, мой незабвенный учитель, повёз нас, тогда молодых «ребятишек» ещё, которые только начали обзаводиться семьями, на две недели в Париж, чтобы как-то отблагодарить за работу. Он раздобыл со своими связями и знакомствами льготный двухнедельный тур. Я потом во всяких Америках месяцами пропадал, но эти две недели останутся в памяти до гробовой доски. Тогда мы были молодые, первый раз за рубежом.

Я тогда ещё был неженатый, и вот, когда мы были в Париже, по вечерам все остальные разбредались, приглашая гостей, а я был один, как перст. И тогда Михаил Алексеевич придумал вот что. Он тоже уже просто так не выходил, ведь многие его коллеги, которых он там знал в 20-е годы (М.А. Лаврентьев в 1927 г. после защиты диссертации был на полгода командирован во Францию «для научного совершенствования». — Ред.), ушли уже... И тогда он, и чтобы соблазнили все правила, и чтобы не скучно было, часто брал меня на прогулки по Парижу, и эти вечерние прогулки оставили большое впечатление. Ходить с ним было очень интересно. Он рассказывал, что там было тридцать лет назад. Михаил Алексеевич не был разговорчив, но говорить с ним было легко.

И вот он мне говорил, что надо привлекать в Сибирское отделение талантливых, честолюбивых молодых людей. Но в ту пору термин «честолюбие» граничил с чем-то очень плохим, напоминая про карьеризм или что-то такое. А я как-то задумался и стал ему возражать. А он мне ответил:

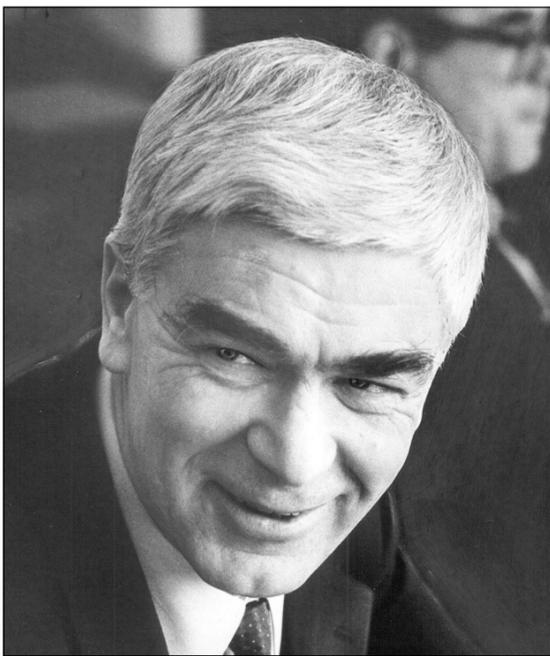
— Понимаете, Володя, самый строгий судья — это сам человек. Если он находится в равновесии или в гармонии, в согласии с окружающим миром, тогда всё хорошо. А если гармонии нет, если возникает чувство уязвленности, то это комплекс, который часто не даёт проявиться. А так как наука — это представление на суд людей, суд специалистов вашего собственного творчества, то это, в общем, непростая проблема. Я видел за свою жизнь многих людей, которые были и талантливы, и могли бы сделать больше, но не сумели себя найти.

Впрочем, у нас тогда таких проблем ещё не было. Мы — поколение 60-х, те, кто приехал сюда в 1958-м году, только начинали жить. А дальше — у кого как жизнь сложилась. Поразному. Впрочем, сказать, что кому-то повезло, а кому-то нет... Знаете, есть хорошая русская поговорка: везёт тому, кто везёт.

Поскольку Владимир Михайлович действительно относится к легендарному поколению «первопоселенцев» Академгородка, то речь естественным образом зашла о проблемах этого удивительного места, о его будущем. Проблемы частью те же, что и во всей России, частью сугубо специфические именно для Академгородка и обсуждаемые каждый день на местных Интернет-форумах:

— В 90-е годы Академгородок накрыла волна беспредела, когда даже академики могли набить физиономию. У меня у самого была пара неприятных ситуаций, на грани... По улице Воеводского, где я живу, стали гонять машины, а мне стремглав из-под колёс какого-нибудь «Мерседеса» или «Лендровера» выскакивать как-то некомфортно. А им ведь надо летать там, где захотелось... Потом эта пена схлынула, но сейчас Городок — это слабое подобие того, что замыслилось его основателями.

Пик у Городка, конечно, был в конце 60-х годов. Тогда людей в нём жило столько, на сколько он был рассчитан. Личных машин почти не было. Вопросы парковок, бензина, от которого нечем дышать — этого тоже не было. И если в Городок впишем ещё какие-то структуры, надо строить хай-

вэй. А это деньги, которые вполне сопоставимы... Даже не знаю с чем. Это не ямочный ремонт магистрали. Я много раз бывал в Соединённых Штатах, посмотрел там на хайвэй. В Японии тоже. Это дороги, по которым можно нести с любой скоростью, развязки в три этажа. Городок этого не выдержит. Жить в нём становится всё менее комфортно.

Правда, мне-то хорошо брызгать, я живу в коттедже. Хотя немного, да в стороне. Мне могут сказать: а нам где жить? Да, это проблема. Однако Городок перенасыщен. Особенно это заметно по нашей сибирской зиме, когда каждое утро под тридцать. Людям надо на работу ехать. В транспорте. Будет этого транспорта хватать или нет, если увеличится население Городка?

На Воеводского приходят гулять мамы с колясками. Утром и вечером люди везут на машинах детишек в 130-ю школу, а в другое время дорога свободна. Вот и гуляют, потому что в других местах уже большая загазованность. Сейчас выехать из Института гидродинамики в обед ещё можно, а вот вечером, когда идёт по проспекту сплошной поток машин из города, иногда по пять минут стоим, прежде чем выехать. И у нас уже машины начинают съедать пространство. Значит, надо строить новые подъезды, новый выезд в городскую часть — ведь сейчас на Бердском шоссе постоянные пробки.

— Владимир Михайлович, а что вы думаете о технопарке как возможном решении проблем Академгородка и перспективном направлении развития союза науки и бизнеса?

— Академия наук и ранний Академгородок — это «идеальные системы». Думалось: всё построим рядом, все будут ходить друг к другу в гости... Ситуация была идеализирована даже для первых лет Академгородка. Потому что всё-таки в Городке бок о бок сосуществовали разные организации, принадлежащие к разным министерствам и ведомствам. Хотя связи между разными науками довольно легко устанавливались.

И если говорить о технопарке, который должен связать науку и бизнес... Лаврентьева в своё время спрашивали: «Михаил Алексеевич, вам что-нибудь не удавалось в жизни?» — «Не удавалось. Мне не удалось «пояс внедрения». Лаврентьев предложил когда-то такую вещь: «Давайте я пойду по всем министерствам, пусть они выделяют деньги, мы построим прикладные НИИ, НИИ промышленности. Они не нам будут подчиняться, но, поскольку это наша территория, мы предложим им сотрудничество, войдём в их учёные советы...».

Всё прекрасно, построили. Деньги в НИИ были вложены государственные. Но Лаврентьев не учёл, что каждому министерству бюджет выделяется свой. И когда они построили себе институты и жильё при них и приняли сотрудников, и получили строчку расходов на них, тогда они дали понять Лаврентьеву, что происходящее в институтах — их внутреннее дело. Дед был человеком активным, воинственным. И воевал со всеми министрами. И всё-таки считал этот опыт неудачным. Он слишком поверил в идеалистические стороны человеческой природы.

Ну, а в технопарке деньги тоже будут не свои. Более того, они даже не государственные, а частных компаний. Это может создать проблемы, аналогичные тем, с которыми столкнулся Лаврентьев. А остальное очень правильно. У одного умного американца спросили: что нужно для создания технопарка? Надо, говорит, хорошего учёного с идеей и хорошего бизнесмена с техническим образованием, который мог бы воспринять эту идею и вложить в неё деньги, и кофейню, где бы они сидели, пили кофе и договаривались. И больше ничего не надо. А у нас такие есть? Бывают?

Если что-то будет получаться, я буду очень рад. Но не знаю, насколько это будет проработано. И лучше бы всё

это строилось где-то не в прямом контакте с Академгородком. Городок ведь рассчитывался на количество людей в три раза меньше.

Я видел несколько американских технопарков. Технопарк в Стэнфорде начинается примерно на 20-минутном удалении от университета на хорошей машине по хорошей дороге. Конечно, и в самом Городке строить надо. Здесь я всех поборников старого Академгородка не поддерживаю, иначе Городок станет спальным местом, но решение этой социальной проблемы может утонуть в спорах о том, кому принадлежит земля.

— А перспективы какие-то есть?

— Перспективы — только при замене структуры жилищного фонда. Хрущёв сделал великое дело — его все ругают, и правильно, но страна ничего не смогла бы достичь без «хрущёвок». В целом для страны это была великая вещь. Они ведь выросли везде. У них гарантированный срок службы 25 лет, но можно продлить до 50. Но 50 лет Городку было два года назад. Будем продлевать, пока одна из них не рухнет. Рисовали проекты, собирались надстраивать этажи, потом про это забыли. А дому всё равно, кризис — не кризис, он разрушается.

— Если мы заговорили о жилье, то неизбежно возникает вопрос о материальном стимулировании научной молодёжи. Что вы можете по этому поводу сказать?

— Это проблема номер один. Зарплату в Академии подняли. Но ощутимо это не для всех. Когда заикнулись: с научными сотрудниками помогли, помогите теперь с инженерным составом, нам ответили: а про инженеров речь не шла. Так Институт гидродинамики потерял инженерный персонал. Инженеры к учёным с годами притёрлись, представляли специфику работы. А когда появились автосервисы, конторы по ремонту компьютеров и мобильных телефонов, они туда ушли, потому что платят больше, а с ними «ушло» и их жильё. Претензий к ним не предъявляли.

Из числа учёных за рубеж у нас уехали немногие. Они, быть может, хотели бы оставаться лето здесь, зиму там, но таких чудес не бывает, связи рвутся — так рвутся, и Академия от нас потребовала убрать «мёртвые души», которые занимали ставки.

Следующее поколение — оно уже другое. Оно воспитано в более реальных условиях. Я в 61-м году в Париж уезжал из деревянного щитового домика, в котором мы топили углем и дровами. Был я тогда даже в первый год председателем совета коммуны «Золотая долина». На саму поездку мы занимали у Лаврентьева, потому что столько денег у нас не было: «Михаил Алексеевич, за путёвку спасибо, а ехать не на что!» Он посмеялся и дал. Но нас это не волновало. А сейчас молодёжь у нас трезвая. Человек говорит: мне надо столько-то тысяч. И чтобы я мог откладывать на квартиру и строить семью.

Вот утверждают некоторые, что олигархи, мол, развратили молодых людей. А на самом деле и олигархи, и эта молодёжь — из одной корзинки. Корзинка называется «новое общественное устройство». Но если олигархи, возможно, где-то что-то уворовали (хотя у нас тут в местных «олигархах» много наших бывших студентов ходит, они уж вряд ли что украли, вон сухарики какие-то придумали), то молодёжь просто хочет работать и жить нормально. И это правильно: ведь жизненный комфорт — это важно. Если вы какие-то обычные блага делаете труднодоступными, вы потом за это расплачиваетесь.

Легко говорить «всё суета», когда ты многого достиг и материально обеспечен.

...Владимир Михайлович чрезвычайно осторожен в своих оценках и прогнозах. Я привыкла соотносить окружающих меня учёных с персонажами братьев Стругацких — уж очень точно тем удалось «поймать» типаж своих героев. Своей сухощавой подбористостью, очаровательной молодой улыбкой и скромностью Владимир Михайлович напомнил мне прославленного звездолётчика Леонида Горбовского. А чем дальше я слушала его рассказы, тем больше приходил на память другой персонаж — осторожнейший Махино Синода. И это понятно: ведь Владимир Михайлович считает, что учёный-руководитель почти не имеет права на ошибку, отвечая за дело и людей, доверившихся ему. Восемнадцать лет на посту директора Института гидродинамики дают ему право на такую точку зрения. Когда-то, в 1973 году, на конференции в США одна коллега сказала ему: «Знаете, Володя, у вас будет, наверное, хорошее будущее. Вы ошибаетесь меньше, чем другие».

— И не то чтобы её слова имели какое-то мистическое значение, — говорит Владимир Михайлович. — Человеку ведь свойственно ошибаться, и мне в том числе. Но то ли мне везло, то ли что-то другое...

Но, несмотря на то, что оценка коллеги оказалась исключительно верной, сам Владимир Михайлович судит себя строго и иллюзий относительно чего-либо не питает:

— Для меня в плане оценки моих дел и моего «честолюбия» нет более строго оценщика, чем я... И, может, ещё моя жена. И тут для меня определяется граница, что надо делать, чего не надо... Академия наук — структура идеалистическая, и общество, «перевоспитанное» на деньгах, нас пытается давить. И это можно понять. Я не собираюсь рисовать себе мир, как в легендарные 60-е годы — в розовых красках.

Мария Горынцева, «НВС»
Фото В. Новикова